

Нестерова Анна Семеновна

ОБ ЭВЕНКИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЯКУТСКОЙ РЫБОЛОВНОЙ ЛЕКСИКЕ

Данная статья является продолжением ранее начатых исследований по теме "Якутская рыболовная лексика". В ней рассматриваются эвенкийские заимствования в рыболовной лексике якутского языка. Основными источниками выявления заимствований явились "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского и работа И. Н. Новгородова "Якутско-эвенкийские языковые контакты". На основе проведенного исследования автором обнаружено 21 заимствованное слово.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 142-145. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.512.157

Филологические науки

Данная статья является продолжением ранее начатых исследований по теме «Якутская рыболовная лексика». В ней рассматриваются эвенкийские заимствования в рыболовной лексике якутского языка. Основными источниками выявления заимствований явились «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и работа И. Н. Новгородова «Якутско-эвенкийские языковые контакты». На основе проведенного исследования автором обнаружено 21 заимствованное слово.

Ключевые слова и фразы: рыболовство; лексика; заимствования; освоение; эвенкизмы.

Нестерова Анна Семеновна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
annest@yandex.ru

ОБ ЭВЕНКИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЯКУТСКОЙ РЫБОЛОВНОЙ ЛЕКСИКЕ[©]

Вопросы доисторических связей якутского (тюркского) и эвенкийского (тунгусо-маньчжурского) языков привлекают большое внимание ученых.

Так, одни ученые придерживаются взгляда о родстве алтайских языков (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, японского), другие – не принимают его и утверждают, что сходства возникли в указанных языках на почве контактов.

Алтайскую гипотезу подрывают, например, данные о различной локализации тюркского и тунгусо-маньчжурского праязыков. Тюркский праязык локализовался в центрально-азиатском, степном регионе [16, с. 161; 17, с. 88, 193], а тунгусо-маньчжурский праязык – в не степной зоне, с вероятной тенденцией тяготения к морскому региону [18, S. 254]. Эти факты говорят о невозможности совмещения, с точки зрения лингвистической географии, локализации тюркского и тунгусо-маньчжурского праязыков. Иными словами, тюркский и тунгусо-маньчжурский праязыки функционировали в различных географических регионах [5, с. 19].

В изучении связей якутского и эвенкийского языков нужно также иметь в виду, что из всех тюркских языков только якутский и долганский содержат тунгусо-маньчжуризмы, отсутствие таковых в других тюркских языках указывает на довольно позднее время их заимствования [15, с. 124].

Якутско-тунгусо-маньчжурские лексические связи представляют собой результат длительных контактов, которые осуществлялись на протяжении нескольких столетий при постепенном расселении якутов и северных тунгусов (эвенков, эвенов, негидальцев) по огромной территории Сибири и Дальнего Востока [13, с. 117-128]. Эти контакты продолжаются и по настоящее время.

В работах исследователей отражаются различные мнения об относительной хронологии якутско-эвенкийских контактов. Е. И. Убрятова [12, с. 9], В. И. Рассадин [8, с. 82], Н. Н. Широбокова [14, с. 44] считают, что якутско-эвенкийские языковые контакты происходили ранее XIII века. А. М. Щербак придерживается мнения о поздних контактах (после XIV века) якутского, эвенкийского и эвенского языков [17, с. 124]. И. Н. Новгородов в своей работе «Якутско-эвенкийские языковые контакты» доказывает отсутствие северо-тунгусского субстрата в формировании якутов и их языка, языковые контакты якутов, эвенков и эвенов начинаются после миграции предков якутов в XIV веке в Центральную Якутию. Автор утверждает, что на лексику якутского языка влиял не только эвенкийский язык, но и эвенский [5, с. 172].

Так как якутский язык находился на значительном отдалении от родственных ему языков в окружении тунгусо-маньчжурских языков, то в нем следует ожидать значительное количество тунгусо-маньчжурских заимствований [Там же, с. 114]. Расширению и углублению процесса заимствования способствовала типологическая близость якутского и тунгусо-маньчжурских языков.

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» под редакцией В. И. Цинциус [11] собран большой материал по якутизмам в тунгусо-маньчжурских языках. Авторы «Взаимовлияния якутского и эвенкийского языков» [9] обнаружили более 1500 якутских слов в разных тематических группах лексики, используемой в речи эвенков Якутии, владеющих якутским разговорным языком. В 2004 г. издан «Эвенкийско-русский словарь», куда включено большое количество заимствований из якутского языка, которые прочно вошли в словарный фонд эвенкийского языка [4]. В проекте А. М. Щербака «Очерки для этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков. 1. Заимствованный фонд: тюркизмы, монголизмы» (неопубликованный труд) также рассматриваются вопросы влияния якутского языка на словарный состав тунгусо-маньчжурских языков.

Влияние эвенкийского языка на якутский язык изучается преимущественно в аспекте выделения слов эвенкийского (тунгусо-маньчжурского) происхождения в работах Н. К. Антонова [1], С. Калужинского [19, S. 261-269], П. П. Барашкова [2, с. 158-161], Г. В. Попова [7, с. 58-67]. Якутско-эвенкийские (тунгусо-маньчжурские) параллели приведены составителями «Словаря якутского языка» [6], «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [11], «Диалектологического словаря якутского языка» [3] и др. Г. В. Попов перечисляет признаки тунгусо-маньчжурских лексических элементов в якутском языке [7, с. 59-60]. Всесторонний анализ якутско-эвенкийских языковых взаимосвязей предпринял И. Н. Новгородов [5].

Целью данной статьи является выявление эвенкийских заимствований в лексике по рыболовству в якутском языке в сравнительно-историческом плане, источниками выявления являются «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского [6], а также работа И. Н. Новгородова «Якутско-эвенкийские языковые контакты» [5]. Автор по мере возможности рассматривает бесспорные эвенкийские заимствования в якутском языке. В определении эвенкизмов якутского языка учитывается совокупность признаков, так как комплексное использование их обеспечивает получение достоверных результатов [Там же, с. 111].

На основе учета признаков эвенкизмов якутского языка выделено значительное число заимствований (более 600) в масштабе языка и его говоров [Там же, с. 174]. Среди них по материалам «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского обнаружено 21 наименование рыболовной лексики. Считаем целесообразным разделить их на следующие группы: наименования рыб, наименования частей тела рыб, наименования средств ловли, наименования рыбной пищи, названия морских животных.

Наименования рыб – 12 названий:

як. *кэтэ, көтө* _кета, рыба из лососей' [6, т. 1, с. 1065, 1175] < эвенк. *кета* _кета (рыба)' [5, с. 214];
як. *көндүбэй, көндүмэй, күндүбэй, күндүбэй* _рыба из семейства лососевых, зельдь' (по-местному: _сельдь, сельдьятка, кондевка') [6, т. 1, с. 1144, 1300] < эвенк. (тунг.) *кондума*, нег. *кондохо* _осетр, калуга' [5, с. 210];
як. *лааха* _ерш', _широколобка', *лахагы* _рыба широколобка' [6, т. 2, с. 1470, 1471] < эвенк. *лака* _бычок морской' [5, с. 214];

як. *лэмбэ* _под Аяном: название какой-то рыбы' [6, т. 2, с. 1488] < эвенк. *лэмбэ* _плавник рыбы', тунг. *ламба* [5, с. 217; 6, т. 2, с. 1488];

як. *майба* _название морской рыбы из семейства лососевых', *байба* _какая-то озерная рыба по ту сторону Алдана' [6, т. 1, с. 338, т. 2, с. 1503] < эвенк. *майма, манма* _форель', эвен. *манма, маньма* _форель, голец', нег. *манма* _форель' [5, с. 218];

як. *мунду, мунну* _рыбка мундушка', _тугун и гольян' [6, т. 2, с. 1621, 1624] < эвенк. *мунду* _гольян' [5, с. 220];
ныры, нырыгы в *нырыгы балык* _особый род рыбы' [6, т. 2, с. 1772] < эвенк. *ниру* _хариус' [Там же, с. 224];
як. *ныча* _сорога, сорожина' < эвенк. *нича* _сорога' [11, т. 1, с. 601], _красноглазка' [4, с. 430], тунг. *нича* _елец' [6, т. 2, с. 1749];

як. *сүрү* _какая-то индигирская рыба, водящаяся в реках и озерах' [Там же, с. 2412] < эвенк. *суриш* _сиг' [5, с. 230];

як. *сыанган* _налим' [6, т. 2, с. 2425] < эвенк. *сенгаан* _налим' [5, с. 230];

як. *тана* _осетр или стерлядь' [6, т. 3, с. 2548] < эвенк. *тана* _осетр' [5, с. 233];

як. *дьайба* _озерная рыба по левую сторону Алдана, имеющая красное мясо, от 6 до 7 вершков длиной' [6, т. 1, с. 773], по-видимому, является заимствованием из эвенского *ньайва* _название рыбы (озерной, имеющей красное мясо)' [5, с. 225]. Возможно, что эвенкийский аналог слова сохранился в якутском и эвенском языках.

Наименования частей тела рыб – 2 названия:

як. *лапчаа* _оконечности рыбы, т.е. хвост и плавники' [6, т. 2, с. 1468], *лабычан, лабыччан* _оконечность рыбьего или змеиного хвоста' [Там же, с. 1461] < эвенк. *лапчаа, лопчон* _хвост рыбы', _плавники рыбы', эвен. *ньапча, напча* id. [5, с. 214];

як. *сэлгийэх, сэргийэх, сөргүөх сүлгүөх, сүргүөх* _отростки позвонков; плавники у рыбы', _плавник', _позвоночные кости рыб; позвонки спинного хребта у рыбы' [6, т. 2, с. 2156, 2307, 2388, 2409] < эвенк. *сиргин* _позвонки (поясничные)' [5, с. 230].

Наименования средств ловли – 2 названия:

як. *мунха, мууха, моңхо* _особого рода невод', _мрежа, невод'; *муухалыы* (от *мууха* + *лыы*) _наподобие мрежи, невода' [6, т. 2, с. 1590, 1632, 1644] < эвенк. *мунка* _невод' [5, с. 221];

як. *налба* _готовый плетень из молодых лиственниц, березок или ерника, служащий для перегораживания реки с целью задержания рыбы, с отверстием, в которое вкладывается верша', _пук сена', _коршун' [6, т. 2, с. 1669] < эвенк. *налба* _морда ловушка (сплетенная из тонких очищенных прутьев)', _плетенка для речного запора (из тальника)', _удочка (для зимнего лова через лунку)' [5, с. 223].

Наименования рыбной пищи – 2 названия:

як. *барча* _разная мелкая рыба, сперва сваренная, а потом прокопченная в теч. 10 дней над трубой камина', _порса', *кумах барча* _сухая мелкая (как песок) рыба', *бачча* _сваренная и затем высушенная в дыму мелкая озерная рыба', *б. хаасы* _каша, приготовленная из такой мелко истолченной в ступке рыбы' [6, т. 1, с. 379, 415] < эвенк. *пурча, парча* _мука (рыбная, из сушеной рыбы)', _вяленая рыба', *барча* _мука (из сушеной рыбы, мяса)', _вяленая рыба' [5, с. 196-197];

дьаакы _сушеная на рожне и затем толченая рыба' [6, т. 1, с. 776] < эвенк. *ньак* _юкола (вяленая рыба)', *ньяака* _рыба (сушеная)' [5, с. 204].

Примыкающие к тематической группе наименований рыб названия морских животных – 2:

як. *халым, халыым балык* _киг' [6, т. 3, с. 3275] < эвенк. *калим* _киг' [5, с. 238].

По всей видимости, в якутском языке отразилось исчезнувшее в эвенкийском языке слово:

як. *буотака, буотака балык* _морской кот, котик', *мутака* _сивуч, морской лев' [6, т. 1, с. 563, т. 2, с. 1643] < *эвенк. *муутэкэ*, ср. тунг. *мутэкэ* _сивуч, морской лев' [5, с. 198], ср. нег. *муудухэ*, ульч. *мууду*, орок. *муудур*, нан. *муэдукэ* _выдра' [11, т. 1, с. 548-549].

Другие слова, относящиеся к рыбной лексике – 1 название:

як. *түктэбил* _особая колотушка, которой толкут в деревянных чашках мелкую рыбу' [6, т. 3, с. 2885] < эвенк. *дуктэвун* _ступка' [5, с. 234].

Эвенкийские заимствования в якутском языке подвергаются фонетической, морфологической и лексической адаптации.

Фонетический облик эвенкизмов якутского языка свидетельствует о том, что они не имеют значительных расхождений со своими эвенкийскими аналогами [Там же, с. 174].

Изучение морфологии якутского языка показало, что влияние эвенкийского языка не имеет значительных масштабов [Там же, с. 97]. Эвенкизмы якутского языка в морфологическом плане в подавляющем своем большинстве сохраняют принадлежность к определенному грамматическому классу: имена соответствуют именам, глаголы – глаголам. Именные основы составляют большую часть, мало заимствованных глаголов. В рыболовной лексике все эвенкийские заимствования представляют собой имена существительные. Эвенкизмы вошли в якутский язык в морфологически неизменном виде. При этом они сохраняют словообразовательную структуру и состав морфем, характерные для языка-источника заимствования.

Говоря о семантической адаптации эвенкизмов якутского языка, необходимо отметить, что в основном семантика слова языка-источника в заимствующем языке сохраняется. Но есть примеры изменения семантики: як. *лэмбэ*, «название какой-то рыбы», эвенк. *лэмбэ* «плавник рыбы»; як. *туктэбил* «особая колотушка, которой толкуют в деревянных чашках мелкую рыбу», эвенк. *дуктэвун* «ступка».

В эвенкизмах якутского языка часто обнаруживается сужение значения слова, многозначное слово выступает как однозначное. В отдельных случаях, наоборот, однозначные эвенкийские слова в якутском становятся многозначными, например, як. *сэлгиэх, сэргиэх, сэргүөх сүлгүөх, сүргүөх* «отростки позвонков; плавники у рыбы», «плавник», «позвоночные кости рыб; позвонки спинного хребта у рыбы», эвенк. *сиргин* «позвонки (поясничные)».

В освоении эвенкийских слов средствами якутского языка наблюдается многовариантность: як. *көндүбэй, көндүмэй* = *күндүөбэй* «рыба из семейства лососевых, зельдь» (по-местному: «сельдь, сельдьятка, кондевка»), тунг. *кондума*; як. *лааха* «ерш», «широколобка», *лахаачы* «рыба широколобка длиной 2 вершка и шириной в голове 1 вершок; водится в Нелькане», эвенк. *лака* «бычок морской»; як. *лапчаа* «оконечности рыбы, т.е. хвост и плавники», *лабычан* = *лабыччан* «оконечность рыбьего или змеиного хвоста», эвенк. *лапчаа, лопчон* «хвост рыбы», «плавники рыбы», эвен. *напча, напча*; як. *мунха, мууха, моңхо* «особого рода невод», «мрежа, невод»; *муухалы* (от *мууха* + *лы*) «наподобие мрежи, невода», эвенк. *мунка* «невод»; як. *сэлгиэх, сэргиэх, сэргүөх сүлгүөх, сүргүөх* «отростки позвонков; плавники у рыбы», «плавник», «позвоночные кости рыб; позвонки спинного хребта у рыбы», эвенк. *сиргин* «позвонки (поясничные)».

В некоторых случаях не совпадают значения слов: як. *лааха* «ерш», «широколобка», *лахаачы* «рыба широколобка длиной 2 вершка и шириной в голове 1 вершок; водится в Нелькане», эвенк. *лака* «бычок морской»; в других случаях появляются дополнительные значения, которых нет в языке-источнике: як. *налба* «готовый плетень из молодых лиственниц, березок или ерника, служащий для перегораживания реки с целью задержания рыбы, с отверстием, в которое вкладывается верша», «пук сена», «коршун», эвенк. *налба* «морда ловушка (сплетенная из тонких очищенных прутьев)», «плетенка для речного запора (из тальника)», «удочка (для зимнего лова через лунку)».

В одном случае наблюдается дериват: *муухалы* «наподобие мрежи, невода» < эвенк. *мунка* «невод», образованное от *мууха* + *лы*.

Эвенкийских заимствований в якутской рыболовной лексике обнаружено 21 наименование. Предварительный анализ показал, что хотя эвенкизмы подверглись фонетической, морфологической и лексической адаптации, они не имеют значительных расхождений со своими эвенкийскими аналогами. Это свидетельствует о том, что указанные эвенкийские заимствования проникли в якутский язык после его формирования, то есть после миграции предков якутов в XIV веке в Центральную Якутию. Также подтвердился тезис В. Серошевского [10] о том, что якутское рыболовство развивалось под сильным иностранным влиянием, главным образом под влиянием русских и тунгусов.

Список литературы

1. Антонов Н. К. Исследования по исторической лексике якутского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Якутск, 1973. 29 с.
2. Барашков П. П. Влияние эвенкийского языка на якутский язык // Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / под редакцией Н. И. Гладковой. Л.: Наука, 1975.
3. Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 390 с.
4. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
5. Новгородов И. Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. Якутск, 2009. 248 с.
6. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. СПб.: Наука, 2008.
7. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Якутск, 1986. 147 с.
8. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 113 с.
9. Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975. 210 с.
10. Серошевский В. Якуты: опыт этнографического исследования. М., 1993. 714 с.
11. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Л.: Наука, 1975. Т. I. 672 с.; 1977. Т. II. 992 с.
12. Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Наука, 1960. 147 с.
13. Цинциус В. И. Якутско-тунгусские лексические связи // Сибирский тюркологический сборник / под ред. В. А. Аврорина. Новосибирск, 1976.

14. **Широбокова Н. Н.** Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 149 с.
15. **Щербак А. М.** Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.
16. **Щербак А. М.** Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Наука, 1961. С. 82-172.
17. **Щербак А. М.** Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 201 с.
18. **Doerfer G.** Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 305 S.
19. **Kaluzyn'ski S.** Einige tungusische Lehnwörter im jakutischen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 1982. Tomus XXXVI (1-3).

ON EVENKI BORROWINGS IN YAKUT FISHING VOCABULARY

Nesterova Anna Semenovna

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
annest@yandex.ru

This article is a continuation of previous researches on the topic "Yakut fishing vocabulary". It considers the Evenki borrowings in the fishing vocabulary of the Yakut language. The main sources of borrowings are "The Dictionary of the Yakut Language" by E. K. Pekarskii and the work "The Yakut-Evenki Language Contacts" by I. N. Novgorodov. Basing on the research the author found 21 loan words.

Key words and phrases: fishing; vocabulary; borrowings; development; evenkisms.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается косвенное обращение А. С. Пушкина к архетипическому сюжету о блудном сыне. Авторское сознание реализует возможность трансформации главного образа притчи в образы неоднозначные, расширяющие спектр семантических значений слова «блудный», благодаря чему в текстах и возникает дихотомия «блудный – праведный».

Ключевые слова и фразы: мотивы «отцы – дети», «блудный сын»; межтекстовые связи; сюжет-архетип; театральность; дихотомия.

Радь Эльза Анисовна, к. филол. н., доцент

Бакирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)
elza_rad@mail.ru

ДИХОТОМИЯ «БЛУДНЫЙ – ПРАВЕДНЫЙ» В СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ» И «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»[©]

Межтекстовые связи – свидетельство многочисленных диалогов – с эпохой, историей, вечностью, читателем, с самим собой. В диалогическом контексте своего времени человеческий поступок может быть понят как текст, представляющий смысловую позицию и систему мотивов.

Обращение А. С. Пушкина к архетипическому сюжету о блудном сыне, в котором репрезентирован спор поколений в ситуации выбора пути – ситуации инвариантной, объединяющей произведения в единое смысловое пространство, носит разный характер: прямой – в повести «Станционный смотритель» и незаконченных «Записках молодого человека», косвенный – в повести «Метель» и романе «Капитанская дочка». В них генетически отразились сверхличностная память культуры и личностная память, давшие мощный импульс творческому авторскому сознанию породить новый вариант текста. Авторское сознание художественно реализует возможность трансформации мифического архетипа в разные по смыслу образы. Трансформируют образы сюжета-архетипа и влияют на его тематическую концепцию черты времени, сконденсированные в произведении. На основании особых законов сюжетосложения память отобрала некоторые мотивы из вечного репертуара литературы, изменив и соединив в новую конструкцию, что нашло отражение в имплицитном «присутствии» евангельского сюжета о блудном сыне в повести «Метель» и романе «Капитанская дочка».

В. И. Тюпа отмечает: «Путь к счастью (для молодых героев «Барышни-крестьянки», для Минского и Дуни, для Бурмина и Марьи Гавриловны, для графа Б.) – это путь инициации, предполагающей открытую позицию по отношению к миру (но без разрыва с родным, отеческим); это приобщение к жизни на пути искушений, испытаний, блужданий» [8, с. 140].

Марья Гавриловна в повести «Метель» – функционально состоявшаяся блудная дочь, уехавшая венчаться без ведома и без благословения родителей, осуществившая свой тайный замысел, о котором знал лишь